

Татьяна Тэя

A movie poster featuring a close-up of a handsome man with a beard and a stethoscope, wearing a white lab coat. In the background, a woman with long blonde hair is holding a young child. The scene is set in a hospital or medical facility.

ВЗРЫВ ИЗ ПРОШЛОГО.

Дядя доктор,
спасите моего маму

Татьяна Тэя
Взрыв из прошлого. Дядя
доктор, спасите мою маму
Серия «Врачи», книга 3

*<https://litres.ru/73491802>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Где-то ребёнок звал маму. Очень настойчиво и жалостливо.

- Малыш, ты где?

На кольце огромная авария с автобусом, и у нас много пациентов разной степени тяжести. Я даже домой не успел уйти со смены.

- Я не малыш. Я малышка, - всхлипывает детский голосок.

Я захожу за пост медсестёр и вижу девочку лет шести, сидящую на корточках и сжавшуюся в комочек.

- Ты чего тут делаешь? Кто тебя сюда пустил?

- Не выгоняйте, я... я сама. Мама там где-то.

Крупные слёзы катятся по её щекам. Яркие голубые глаза смотрят доверчиво.

- Вы вылечите мою маму, дядя доктор?

В приёмном отделении мне дают в руки карту недавно поступившей пациентки. А в ней имя... имя, которое я, как мне казалось, уже никогда не услышу. Алёна...

- Там Полозков её взял, он сейчас... - объясняет медсестра.
- Нет, - перебиваю резко. - Готовьте первую освободившуюся операционную, я сам ей займусь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Тэя

Взрыв из прошлого. Дядя доктор, спасите мою маму

Глава 1

Где-то ребёнок звал маму. Очень настойчиво и жалостливо.

За годы работы в отделении хирургии многие обрастают невидимой бронёй, а кто-то даже цинизмом. Так легче прикрыть своё сердце, избавить себя от переживай, убивающих нервы и забирающих годы жизни. Как говорится, у каждого врача есть своё маленькое кладбище.

Но дети... На них невозможно не реагировать.

Вот и я, замираю посреди коридора возле поста и оглядываюсь.

– Малыш, ты где?

Девочек нет на месте, убежали по палатам. Сегодняшней ночью жара. На кольце огромная авария с туристическим автобусом, и у нас много пациентов разной степени тяжести. Скорые везли в ближайшую, и мы оказались ближе всего. Я даже домой не успел уйти со смены. Подхватил дежурство в отделении, а через час, когда освободится одна из операци-

онных, сменю коллег и там.

– Я не малыш. Я малышка, – всхлипывает детский голосок.

Я захожу за пост и вижу девочку лет шести, сидящую на корточках и сжавшуюся в комочек.

– Ты чего тут делаешь? Кто тебя сюда пустил?

– Не выгоняйте, я... я сама. Мама там где-то.

Крупные слёзы катятся по её щекам. Яркие голубые глаза смотрят доверчиво.

– Вы вылечите мою маму, дядя доктор?

– Я тут не один работаю. Нас много. Кто-то, наверняка, уже твоей мамой занимается.

– А вы? А вы можете?

– Ты как сюда попала? – возвращаюсь к изначальному вопросу и протягиваю ей ладонь, чтобы она выбиралась из своего укрытия.

Неохотно она вкладывает свою маленькую ладошку в свою. Мне хочется обнять девчонку, погладить по светлым волосам, выбившимся из хвостика, успокоить, но боюсь напугать. Поэтому делаю то, что всегда проворачиваю со своими пациентами, забалтываю и отвлекаю от дурных мыслей.

– Я сама пробралась. Меня не пускали. Сказали сидеть в другом месте с какой-то тётей. Она ушла, а мне стало страшно, – голос её понижается, а сама девочка вздрагивает. – Я пошла искать маму. Но тут так много дверей. Я... я заблудилась. Мама... – всхлипывает она, кажется, намереваясь раз-

разиться новой порцией слёз.

Она выглядит испуганной, наверное, впервые осталась одна так долго без мамы или взрослых. И не понимает, что делать дальше. Да, это вам не в торговом центре потеряться. Больница – это серьёзно. Само место у некоторых может вызывать депрессию. Хотя я предпочитаю говорить о надежде. Тут спасают жизни. И каждый из нас борется за пациента до конца!

– Пожалуйста, спасите мою маму, – её голос дрожит, и в нём слышится искреннее отчаяние.

Я чувствую, как моё сердце сжимается от её слов. Она такая маленькая, всего шесть лет, но в её глазах читается такая глубокая тревога, что я понимаю: ей действительно страшно.

Я слегка наклоняюсь, чтобы быть на одном уровне с ней, и, стараясь излучать спокойствие, смотрю в глаза.

– Так спокойно, – говорю мягко, чтобы она почувствовала себя в безопасности. – Я здесь, чтобы помочь. Расскажи мне, что случилось. Как маму зовут?

– Мама Алёна.

Я на секунду замираю. Наверное, никогда я не смогу нормально реагировать на это имя. В мире много Алён. И мне когда-то то ли посчастливилось, то ли не посчастливилось столкнуться с одной. Счастье было коротким, а горечь расставания преследовала до сих пор.

– Хорошо, а что случилось?

– Мы ехали, а потом бум... Я ничего не помню.

– У тебя есть родственники? Папа? Бабушка?

– Нет, – мотает головой. – Только мама. Бабушка и дедушка далеко.

– Насколько далеко. Мы можем им позвонить?

Для детей далеко – это может быть другой город, а могут быть – небеса. Родители по разному всем объясняют эти моменты.

– Можем, но я не знаю телефона. Мама знает. – Её лицо снова морщится. – Где моя мама?

– Пошли, будем разбираться. Как тебя зовут?

– Натали.

– Наташа?

– Да, но мама меня зовёт Натали.

Меня снова пронзают странные чувства. Та Алёна из прошлого любила испанский. И знаменитую песню про Натали. Сказала, что начала учить язык по песням, а потом уже поступила на филологический.

Опускаю взгляд на девочку.

Так и хочется спросить: а твоя мама не филолог? Но сомневаюсь, что даже при всей правильности речи ребёнок поймёт, что такое филолог. У меня самого два племянника. Муж сестры работает в крупной строительной компании, но пацаны настойчиво говорят, что он продавец, а мама просто красивая, хотя у Амалии свои цветочные магазины.

Мы долго идём до приёмного покоя, который сегодня на-

полнен хаосом и тревогой. Давно не было таких масштабных катастроф. Запах антисептиков и лекарств смешивается с легким налётом тревоги, который витает в воздухе. Но сестрички и врачи быстро перемещаются между пациентами, не всем хватило боксов, многие лежат на каталках или сидят на металлических стульях. Даже интерны, оставшиеся на подмогу, в курсе, что для некоторых пострадавших каждая секунда на счету.

– Мира, – подхожу к стойке, где суетится медсестра. – Вот потеряшку нашёл. Кто её мама, можно узнать?

– Ах вот и ты! Убежала! – восклицает Мира, смотря на Натали, и даже грозит ей пальчиком. – Чуть до инфаркта Ольгу Васильевну не довела. Она выскочила буквально на секунду, а ты куда-то испарилась. Она с ног сбилась тебя искать. Где ты была?

– Мир, к делу не относится. Дай мне карту её матери. Ей занимаются? Оперировали?

– Даниэль Максимилианович, она следующая на очереди.

– Карту, Мира, пожалуйста, – напоминаю, протягивая руку. – А малышку можно пока перевести в детское отделение. Что там койки не найдётся?

– Так нельзя, вы же в курсе, что мы ждём опеку. Её заберут в центр временного пребывания, если мама не скоро очнётся.

Или если вообще не очнётся, – добавляю про себя.

Мира роется в стопке свежих карт на столе и находит нужную.

– Вот Алёна Стрелецкая, – произносит Мира, и меня это имя буквально сшибает с ног.

Этого не может быть!

Не может быть!

– Двадцать шесть лет, судя по данным паспорта, – продолжает медсестра. – Он у неё в сумочке лежал. Она через плечо болталась, так с сумочкой к нам по скорой и приехала. Ну хоть не ноунейм, – хмыкает.

Рано, Мира, рано... для шуток и цинизма.

Медсестре всего двадцать один, а она уже, конечно, всякое повидала.

Я беру в руки карту, листаю, пытаюсь понять, что с Алёной, какова степень тяжести её состояния, когда рядом раздаётся тонкий голосок.

– Что с мамой? – и маленькая ручка дёргает меня за рукав халата. – Вы спасёте мою маму, дядя доктор?

– Да, малышка. Я сделаю всё возможное, чтобы с твоей мамой всё было хорошо.

– Даниэль Максимилианович, там Полозков её взял, он сейчас.

– Нет, – перебиваю резко. – Готовьте первую освободившуюся операционную, я сам ей займусь.

Глава 2

Невозможно взять и отключить эмоции, но я постараюсь это сделать. Иначе ничего не получится.

Я тщательно мою руки и совершаю все необходимые приготовления, прежде чем войти в операционную. Это то, что доведено до автоматизма.

Алёна лежит на столе, к ней подключены необходимые приборы. Её грудь едва заметно приподнимается, а аппарат, измеряющий сердечный ритм, пищит.

Люди и крепки, и хрупки одновременно.

Я всякое повидал, но оперировать человека, который тебе небезразличен – это двойная ответственность. Очень сложно отключить эмоции.

Алёна моя первая любовь. Сколько планов было построено. И ни одному не суждено было сбыться.

– Бедная девочка, – вздыхает операционная медсестра. – Она сидела в автобусе спереди со стороны двери, на неё пришёлся основной удар. Говорят, там весь перед всмятку. Зажало между фур.

Я киваю.

Такие сильные травмы, наверное, ещё и оттого, что она закрыла собой дочь, – думаю про себя.

Я ведь сам заметил, что на Наташе ни ссадинки, а Алёна... Алёну придётся штопать и собирать. Придётся мне!

Но как можно сосредоточиться, когда в сердце такая буря эмоций?

Воспоминания о прошлом накрывают меня, как волна: смех, моменты счастья, те дни, когда мы мечтали о будущем, как её глаза светились радостью и озорством. Потом, конечно, было и другое. Подозрения, недоверие, жестокие слова. Но память удаляет весь негатив, подчищает неприятные воспоминания. Нам проще помнить только хорошее. Иначе можно захлебнуться в яде недоверия ко всему миру.

Сейчас всё, что между нами происходило, кажется таким далеким и недостижимым.

– Алёна, ты не одна. Ты только держись, – шепчу еле слышно.

И слышу, как её сердце начинается биться чуть-чуть сильнее.

Да нет... это ерунда из фильмов. Не может она понимать, что я рядом. Она без сознания.

Но всё-таки добавляю.

– Всё будет хорошо. Ты только постарайся. Один я не справлюсь. Мне нужно твоё полное участие. Твоя Натали очень просила меня помочь.

Операция длится больше двух часов. Я стараюсь отставить личное в сторону, быть только профессионалом, но это очень сложно.

К счастью, сердце Алёны работает стабильно, ничего критичного не происходит. Но это и потому, что я стараюсь дей-

ствовать бережно.

Обычно, сделав основную работу, я ухожу, оставляя ассистентам и медсёстрам завершающую часть.

Но сегодня я до финала в операционной.

Дожидаюсь момента, когда Алёна готова к переводу в реанимацию.

– Если к четвергу станет лучше, а я надеюсь, что ей станет лучше, то переводим в обычную палату. Кладите на хозрасчёт. Отделение переполнено.

– А если оплату заведующая попросит?

– Я оплачу.

Персонал с недоверием смотрит на меня.

Да, им не понять, что за аттракцион невиданной щедрости в адрес незнакомой пациентки.

– Я её дочке обещал маму спасти.

– Вы бы поаккуратнее с такими обещаниями, Даниэль Максимилианович, – качает головой медсестра. – А если бы не вышло.

– Но ведь вышло, – обрубая. – Занимайтесь пациентом.

Я стягиваю перчатки, выпутываюсь из одноразовой робы. Смываю скопившийся на лице пот. Напряжение было колоссальным. И выхожу из операционной.

За порогом которой меня поджидает Полозков.

– Ну ты и гад, Дэн, – выплёвывает он. – Этой мой пациент! Я должен был проводить операцию. Не ты.

Его лицо искажено от злости. Полозков молодой и амби-

циозный. Идёт вверх по карьерной лестнице. Как-то, я слышал, он хвастался, что планирует стать зав отделением чуть ли не к двадцати семи годам. Да, его наставник крутой хирург, что не говори, но это не даёт ему право так себя вести.

– Ты бы шёл, Игорёк, помог бы кому-нибудь другому. Тут много пострадавших.

– Зачем ты вперёд полез?

– Уймись, – кладу руку ему на плечо. – Не о том споришь.

– Не люблю, когда мешают.

– Не люби.

– Ты тут никто. Временно.

– Нет ничего более постоянного, чем временное.

Очень хочется съездить по роже Полозкову, но я сдерживаюсь.

Да, работа в больнице – не моя основная. У меня всего два выхода в неделю. Я работаю здесь, потому что это что-то вроде социальной ответственности. Я учился на хирурга, я буду помогать людям. Но так вышло, что бизнес – сетка аптек – отнимает почти всё свободное время. Там планы грандиозные по расширению. И денег это приносит в разы больше, чем дежурство в больнице.

Но тут – отдушина, а там – средство получения прибыли.

– Даниэль, зайди ко мне? – бросает профессор Иванов, проходя по коридору и смотря на нас с Полозковым тяжёлым взглядом. – Игорь, ты чего застыл? Там народу тьма. Все срочные операции проведены, теперь остались среднесроч-

ные. Иди, работай. Нам рук не хватает.

Тот что-то бормочет, вяло оправдываясь, но я его не слушаю.

Иду в кабинет к профессору, а у самого перед глазами неподвижное тело Алёны. И её бледное лицо.

Всё должно быть хорошо, – успокаиваю сам себя. – Ты сделал всё, что в твоих силах. Восстановление – в её собственных руках. Она должна хотеть жить. У неё ребёнок. Она хочет.

– Даниэль, я насчёт должности зав отделения, – шеф садится за свой письменный стол, заваленный бумагами.

На нём, кажется, убирались лет сто назад. У Иванова в работе всегда порядок, но в кабинете – хаос.

– Полозков спит и видит её, – пожимаю плечами.

– Да при чём тут Полозков, – недовольно. – Я о тебе, Даниэль. О тебе. Тебе её предлагаю. И буду за тебя ходатайствовать. О твоём назначении. Только мне согласие получить нужно. А то странно, я буду распинаться, а ты откажешься. Не дело, Даниэль Максимилианович, не дело, – мотает головой.

– Так я же тут никто. Временно, – повторяю слова Игоря.

– Это к делу не относится. И временно ты тут по своей прихоти. Выходи на полную занятость. Я знаю, что ты загружен, но у тебя талантливые руки, такие не должны пропадать. И народ тебя любит. И пациенты. Ты хорошо сохранился. А кто-то сухарь, едва вышел из интернатуры. Вот ведь

как бывает. Ты, короче, подумай. А подумав, ответь. Но я надеюсь, на положительное решение, конечно.

Иванов вздыхает, откидываясь на спинку кресла.

Он ведь и сам сегодня оперировал. Все были заняты. И начальство, и подчинённые. В такие дни мы все выступаем единым фронтом.

После того, как выхожу от Иванову, заглядываю на пост к Мире.

– Где она? – спрашиваю про девочку.

– В ординаторской. Спит, кажется.

И точно, спит. Натали лежит на диване, сжавшись в комочек. Две сотрудницы сидят за столом.

– Ужинаете? Приятного аппетита.

– В третьем часу ночи, Даниэль Максимилианович?

– Тогда завтракаете? – переспрашиваю с улыбкой.

– Так кто его поймёт, – обе тихо хихикают, потом кивают на девочку. – Утомилась, малышка. Утром вызовем социальную службу.

– Я сам её вопросом займусь. У неё дедушка с бабушкой имеются. Надо только вызвонить их.

– Ну это мы не знаем. Пусть специалисты разбираются.

Я достаю из шкафа дежурный плед, сажусь на диванчик рядом с Наташей, укрываю её. Она крепко спит, тихо посапывая, и её светлые волосы, растрепанные, кажутся золотыми в мягком свете комнаты.

Как у Алёны, – думаю я. – Почти копия мать.

А кто отец?

Как сложилась судьба Алёны?

Я ведь не знаю, что с ней было. Мы расстались и связь не поддерживали, а если общие знакомые заговаривали о ней, я даже слышать ничего не хотел, настолько эта тема меня раздражала.

Пока смотрю на Натали, ощущаю, как в груди закипает что-то теплое и нежное. Я вдруг задумываюсь: а что, если бы она была моей дочерью? Возраст ведь подходящий? Может ли такое быть по-настоящему? Если ей пять? Или шесть. Ближе к шести?

Приходится напрячь память, чтобы отмотать время назад и более детально подумать о цифрах и датах.

Мысли о том, что я мог бы быть её отцом, наполняют меня неожиданным волнением. Если она моя... если так... выходит я столько всего пропустил?

Почему Алёна скрыла? Почему не сказала?

Ты сам прекрасно знаешь, почему! – указывает внутренний голос.

Я закрываю глаза и откидываю затылок на валик дивана.

Усталость накатывает тяжёлой волной. Руки-ноги отказываются двигаться.

Бу-бу-бу от женщин за столом убаюкивает. Как и сопение Наташи.

В следующий раз я возвращаюсь в реальность резко и с болью в шее. Неудобная поза, и мышцы одеревенели. А ещё...

на меня кто-то смотрит.

– Мама? Как мама? Я хочу видеть маму? – Натали дёргает меня за рукав.

Видимо, это меня и разбудило.

– погоди, малышка, – тру глаза и зеваю. – С мамой всё в порядке. Хм... надо же... как я крепко вырубился. Когда устаёшь, готов спать даже стоя.

– Я хочу к маме.

– Прости, но к маме пока нельзя, она в специальной палате, туда заходят только врачи.

– Мамочка... – слёзы наворачиваются на её глаза.

Ладони взлетают к лицу, накрывают его и худенькие плечики вздрагивают.

– Я хочу к маме... к маме... хочу к маме.

Теперь я тру затылок, думаю, а какое у нас меньшее из зол: нарушить запрет и провести Натали в реанимацию, чтобы издали показать маму? А может, это ещё больше её испугает? Может, она начнёт плакать без перерыва? Что я знаю о детях?

Ни-че-го.

– Не плачь, пожалуйста, не плачь.

– Мамочка...

Натали сама обнимает меня руками, и я замираю.

– Пожалуйста, я хочу увидеть м-мamu, – дрожащим голосом просит.

А я борюсь с водоворотом непонятых чувств и эмоций,

атаковавших меня.

Что же мне делать с этим ребёнком? Оставить в больнице, я не могу. Отдать социальному работнику – тоже не вариант. Это дочь Алёны.... дочь Алёны, – долбит в голове. Я не могу её бросить!

Глава 3

– Натали, – протягиваю ей руку, – пошли посмотрим на маму, но ты учти: мама сейчас спит. Не знаю, в курсе ли ты, но сон – лучшее лекарство. Чтобы твоей маме быстрее поправиться, ей надо много спать. Поэтому мы сейчас тихонечко подойдём, посмотрим на неё и уйдём.

– А мама точно не проснётся? – доверчиво спрашивает девочка.

– Точно. Она может проспать день или два, а может, и неделю.

Или год... или и того больше, – думаю про себя, но Наташу я пугать не хочу.

Наташа встаёт, разглаживает помятое платье и кивает.

– Я готова. Хочу увидеть мамочку. Я буду очень тихой. Но если мама проснётся, вы же скажите мне?

– Конечно, я сразу тебе об этом сообщу.

Я веду Наташу к отделению реанимации, стараясь сделать этот момент как можно менее пугающим для нее. Она идет рядом, крепко сжимая мою руку, и я чувствую, как её ладонь слегка дрожит. Понимаю, что этот путь – не просто переход из одной части больницы в другую, это шаг в мир, где царит напряжение, страх и надежда.

Когда мы подходим к дверям, я останавливаюсь на мгновение, чтобы успокоить Натали.

– Ты готова? – спрашиваю, глядя в большие синие глаза. Совсем как Алёнины, – думаю про себя. – Очень на неё похожа.

Теперь я подмечаю в них двоих всё больше схожих черт. Наташа кивает, хотя я вижу, как её губы слегка дрожат, и переводит взгляд на дверь.

– Отделение реанимации и интенсивной терапии, – читает Наташа внезапно правильно и без запинки.

– Читать умеешь? В школу ходишь уже?

Мотает головой.

– Нет, не хожу. А читать сама научилась, потом мама помогала.

– В садик ходишь?

– Нет, в том году ходила. В этом нет, – вздыхает. – Мне там не нравилось. Я с мамой быть люблю.

Уже понимаю, что Наташа сильно привязана к Алёне. Между ними будто какая-то нерушимая связь. Неразрывная. Она, будто невидимая пуповина, протянулась от матери к дочери.

– Тебе шесть? – спрашиваю.

– Да, исполнилось в апреле.

Я начинаю мысленный подсчёт. Господи, совсем башка не соображает. Отказывается. В неё ещё полно усталости и желания поспать.

Но теоретически Наташа может быть моей дочерью.

Приходится унять любопытство и сосредоточиться на це-

ли своего визита сюда.

Мы заходим в отделение.

– Нельзя, – круглыми от шока глазами смотрит на меня медсестра.

– Мария Семёновна, я в курсе.

– Дэн, ты с ума сошёл, – бубнит, сквозь плотно сжатые губы, взглядом указывая на Наташу. – Не положено.

– Я в курсе, Машенька.

– Машенька... какая я тебе Машенька, товарищ хирург, я тебе в бабушки гожусь.

– Баба Машенька, ну, пожалуйста, – складывает ручки в умоляющем жесте Наташа. – Я маму будить не буду. Я никого будить не буду. Я только посмотрю, что с ней всё в порядке. Дядя доктор, её спас! – задирает голову и смотрит на меня.

– Да уж... дядя доктор, – у Клёпиной сегодня чуть ли не пар из ушей валит от моих фортелей.

– Мария Семёновна, под мою ответственность.

– Ну а под чью же ещё, – усмехается. – Минута и не дольше.

Палата реанимации встречает нас ярким, холодным светом. Звуки мониторов, которые непрерывно следят за жизненными показателями, создают ритмичный фон – бесконечный, но тихий бип-бип-бип. Я чувствую, как в груди сжимается от напряжения, пока я ищу взглядом Алёну, и облегчённо вздыхаю, когда нахожу. Это место, где каждое мгно-

вание имеет значение, где каждая деталь может стать решающей.

Внутри палаты стоят несколько кроватей, окружённых медицинским оборудованием. Я отвожу Наташу подальше к окну, чтобы она не стояла к ним слишком близко. Хочу, чтобы она понимала, что здесь мы боремся за жизнь, но не хочу, чтобы её пугали детали.

– Здесь врачи и медсестры делают всё возможное, чтобы помочь, – говорю я, стараясь говорить мягко, но уверенно. – Они настоящие герои. И пациенты спят, набираясь сил, чтобы победить травму и болезнь.

Наташа кивает. Смотрит на меня, а затем на пациентов. Я же не дурак, понимаю, что эта картина может быть слишком тяжёлой для неё.

– А мама? – тихонько спрашивает она, словно боится разбудить пациентов.

– Здесь, – отвечаю мягко, указывая на одну из кроватей. – Она получает помощь от врачей и медсестер. За ней постоянно приглядывают.

Хочу добавить, что если что-то пойдёт не так, то мне сразу сообщат, но не решаюсь. Эта информация точно Наташу напугает.

– Приглядывает? Баба Маша? – переспрашивает она.

– Да, Мария Семёновна. Она хороший человек и отличная медсестра с огромным опытом.

Наташа поворачивается и смотрит на свою маму, её лицо

искажается от тревоги. Я вижу, как она пытается осознать происходящее, как маленькое сердце борется с волнением и страхом.

– А мама... она точно в порядке? – спрашивает дрожащим голоском.

Я сглатываю, ощущая тяжесть на сердце. Я знаю, что сейчас очень важно говорить правду, но сам верю, что с Алёной всё будет хорошо. Как будто бы критический рубеж уже пройден. Ну почти. Она стабильна, а значит, через день-два покажет стойкую положительную динамику.

– Скажи ей что-нибудь, – вместо ответа прошу. – Она чувствует твою поддержку. И, наверняка, быстрее будет поправляться.

– Мамочка, – шепчет Натали, – мамочка, я тебя очень люблю. Пожалуйста, не болей. Пожалуйста, не спи долго. Мне очень страшно, – потом вдруг замирает, понимая, что сказала что-то не то. – Ой, мама испугается. Мама будет волноваться за меня, – шепчет уже мне, потом снова смотрит на Алёну. – Мама, тут дядя доктор, он такой хороший, он спас тебя, он обо мне позаботится, ты только не волнуйся. Спи, мамочка, сколько надо, выздоравливай. Я тебя очень люблю. А обо мне не переживай, я не одна, дядя доктор не позволит, чтобы со мной что-то случилось. – И снова. – Я люблю тебя, мамочка.

А я думаю, как я теперь оставлю Наташу, после того, что она произнесла для мамы? Да никак... Она действительно

верит, что я не брошу, что позабочусь. Какой социальный работник, какой казённый дом, центр временного пребывания к чёрту?

Выходя из реанимации, уже знаю, как поступлю.

Заберу Наташу к себе.

Только на каком основании?

Как мне увезти её легально, чтобы не обвинили в воровстве ребёнка?

Глава 4

– Постой у Марии Семёновны, – прошу Натали. – Я буквально на минуту задержусь, даже меньше.

Оставляю девочку у недовольно качающей головой медсестры, а сам подхожу к кровати Алёны. Рука тянется сама собой и касается её мягкой прохладной кожи, гладит щёку. Я вижу бледные веснушки на носу, их никогда и не было много, но они всегда придавали Алёнке какой-то неповторимый шарм.

– Я позабочусь о твоей дочери, Алёна. Ты только борись и не сдавайся. Я знаю, что всё может быть хорошо. Я рад, что ты попала в мои руки, – переплетаю наши пальцы, и мне даже кажется, будто Алёна слегка сжимает мои.

Но это, конечно, обман.

Её сердце бьётся ровно. Она без сознания, плюс глубокий сон после анестезии. Но Алёна должна прийти в себя. Должна. У неё всего лишь сломана рука, но были травмы внутренних органов. Я всё залатал, как мог, и остаётся лишь молиться и уповать на высшие силы.

Врачи не атеисты. Вернее, не все врачи атеисты. Даже безнадёжные случаи каким-то чудом вытягиваются с того света. Уж как тут не поверить во что-то сверхъестественное.

Ноосфера, космический разум, бог... называй, как хочешь.

Вот и сейчас я у кого-то там прошу оставить мне эту женщину.

Нам ведь есть, что обсудить, когда она поправится.

– Я приду завтра, – сообщаю ей. – Проверю, как ты. Очень надеюсь, что уже очнёшься. Наташу я заберу к себе. И буду верить, что меня за это не пристрелят.

Даже усмехаюсь, прежде чем аккуратно отпустить её руку. И в этот момент сердечный ритм Алёны чуть-чуть ускоряется. Напрягаюсь, смотря на монитор. Снова всё ровно.

Мне же не показалось?

Возможно, она поняла меня?

– До завтра, Алёна.

Подойдя к посту медсестры, я киваю Клёпиной, затем беру Натали под локоть и веду обратно на отделение. Надо забрать вещи и сказать Мире, что я увожу девочку с собой.

Оставляю расписку, – решаю я. – Что жизнь и здоровье ребёнка беру на себя или как там положено, а дальше буду разбираться по факту.

Натали всю дорогу притихшая, когда выходим из больницы, оглядывается на здание и замедляет шаг.

– Страшно маму оставлять одну.

– Она не одна, – успокаиваю, – с ней профессионалы и наш добрый ангел Мария Семёновна.

– Баба Машенькая хорошая, – улыбается слабо. – Она мне конфету дала, – вытаскивает из кармана нечто шоколадное всмятку. Видимо, держала её в руке, и конфетка начала та-

ять.

– Так, расскажи мне о себе, что ты любишь, чем увлекаешься. А то я ничего не знаю. Чем ужинаешь обычно?

Я даже не представляю, чем кормить маленькую девочку, я же хирург, а не педиатр.

Дети любят поболтать о себе, и Наташа вываливает на меня кучу информации, и, конечно, начинает не с еды.

– Я очень люблю рисовать. У меня есть цветные карандаши и огромный альбом, в котором я рисую всякие картинки. Радуги, котиков и даже динозавров!

– Динозавров? Да ты настоящая художница.

Наташа улыбается и кивает.

– Да, я художница.

Наконец, она развеселилась хоть чуть-чуть.

– Иногда я рисую маму и папу, а ещё иногда – себя в красивом пышном платье, как принцесса.

Меня напрягает упоминание папы. Ведь это впервые, когда Натали о нём говорит. Я не видел документов Алёны, а в карте семейное положение не указывали. Наташа не просила связаться с папой или ещё с кем-то из родни. А теперь, возможно, у неё отец есть?

– Папу? Мы можем позвонить твоему папе? Ты знаешь, как с ним связаться?

Она мотает головой, потом говорит.

– Я его давно не видела.

– Значит, вы с мамой вдвоём живёте?

– Иногда с бабушкой и дедушкой, когда к ним приезжаем.

– Надо им позвонить, ты знаешь, как? Может, у тебя где-то номер записан?

Наташа снова качает головой.

– Мама знает. Она проснётся и позвонит.

– Ну, хорошо. А что ещё ты любишь?

– Гулять люблю, особенно когда погода хорошая. Но мне нравится, когда идёт дождь. Я бы хотела шлёпать по лужам, но маме не любит грязь и в плохую погоду я сижу дома и читаю сказки. Мама тоже иногда читает мне перед сном, а у вас есть дети, дядя доктор? – внезапно спрашивает меня, чем ловит врасплох.

– У меня нет, – мотаю головой.

– Жаль, – вздыхает Наташа, – мы могли бы с ними играть. А так я снова одна буду. Хочу побыстрее пойти в школу, чтобы завести новых друзей!

Я усаживаю Наташу в машину позади водительского кресла, пристёгиваю её ремнём безопасности. К сожалению, у меня нет никаких приспособлений для перевозки детей, но Наташа, вроде, рослая для своего возраста, и я надеюсь, что ремень безопасности, не будет слишком высоко натянут над её плечом.

Когда хочу отстраниться, Наташа вцепляется в мою руку и смотрит на меня широко распахнутыми испуганными глазами.

– Что такое?

– Дядя доктор, я боюсь.

– Ты можешь звать меня дядя Дэн или дядя Даниэль, как тебе удобно.

– Хорошо, дядя доктор, – кивает она. – Мне страшно.

Только сейчас я понимаю, почему. Вот я глупый, она же побывала в аварии. Вероятно, в маленькой голове всё засел момент столкновения.

– Мама на меня легла, я почти ничего не видела, – шепчет Натали быстро, – мне было очень тяжело. Мабочка тяжёлая. А потом другие люди оттащили её, я... я боюсь, – она накрывал ладошками лицо.

И я аккуратно глажу Наташу по голове и стараюсь говорить спокойно.

– У меня машина, не автобус. Мы поедem медленно и по городским улицам. Не будем выезжать на трассу. Я обещаю, что буду тащиться, как черепаха.

– Как черепаха, – улыбается она и внезапно усмехается. – Как черепаха, а это – указывает пальцем на крышу машины. – Наш панцирь?

– Ух, какие ты слова знаешь. Да, наш панцирь. Всё будет хорошо, Натали. Если уж совсем страшно будет, скажи, я остановлюсь, и мы поговорим. Извини, отсюда пешком до моего дома не доберёшься. Поняла? Будет страшно, сразу говори.

– Да, – кивает, – я всё поняла, дядя доктор.

– Дэн, – исправляю я, и Наташа снова кивает.

Первую половину пути я действительно тащусь, словно улитка. Недовольные соседи по городскому трафику, обгоняя меня, бросают косые взгляды в окно. А мне плевать. Потом, удостоверившись, что Наташа реагирует спокойно, я постепенно наращиваю скорость до стандартной.

Когда мы почти доезжаем до дома, звонит телефон. Это Надя. Совсем я про неё забыл.

– Даниэльчик, – раздаётся весело в трубке. – Ты там потерялся. У меня столько новостей, – поёт она. – Ты просто будешь в восторге.

– У меня тоже есть новости, – перебиваю я.

– Да? И какие?

Собираюсь с духом, бросаю взгляд на Наташу в зеркало заднего вида. Малышка отвернулась к окну и смотрит на проплывающие в дождевой дымке дома.

– Я сегодня оперировал Алёну.

– Алёну?

– Да, Алёну Стрелецкую. Представляешь, я вообще такого не ожидал.

После секундной паузы до меня долетает кислое:

– Да уж, представляю. Я тоже не ожидала.

Глава 5

– А что с ней? Как она к тебе попала?

– Пострадала в крупной аварии, поступила по скорой. И вот такое совпадение, что прямо в мои руки.

Я уж не стал уточнять, что сам вызвался её латать.

– Точно совпадение. И как сейчас Алёна? – аккуратно спрашивает Надя.

– Хорошо, насколько возможно в её ситуации.

– Надо её навестить, наверное. Слушай, это так внезапно. Мы много лет не общались. Да вот с тех пор, как... да с тех самых и не общались, – вздох в трубке. – Надеюсь, она поправится.

– Да, я тоже надеюсь. Она должна восстановиться. У неё дочь, знаешь?

Молчание в трубке длится так долго, что мне кажется, что связь оборвалась.

– Да, я, кажется, слышала что-то про девочку. Вроде, она её от Паши Сокольников родила. Мне так говорили.

От этих слов я хмурюсь.

Паша Сокольников – тот самый парень, который когда-то увивался за Алёной. Какое-то время он ей проходу не давал и мне пришлось с ним поговорить по-мужски, чтобы он от Стрелецкой отъехал.

Он тогда рассмеялся, сказал, что просто ей хороший друг,

но я то знаю, что не бывает дружбы между мужчиной и женщиной. Любое тесное общее рано или поздно приводит к постели. Или ни к чему не приводит.

Значит, я уехал в Германию на стажировку, и она тут же с ним закрутила? А судя по возрасту Наташи, прямо сразу после моего отъезда и забеременела.

Сейчас, вспоминая прошлое, понимаю, что тогда я бы и в страшном сне не представил, что мой отъезд разведёт наши пути навсегда. Но судьба снова столкнёт нас несколько лет спустя вот таким странным способом.

– Ладно, Надь, а что ты там хотела мне сообщить? – меняю тему. – От чего я там должен прийти в восторг?

– Ой, да мои новости меркнут по сравнению с твоими... – смеётся. – Ну а если серьёзно, я про помещения под новую аптеку на Ваське. То самое урвала, которое хотели. Пришлось применить чудеса дипломатии, чтобы собственник отдал предпочтение нам.

– Ты большая молодец, Надя. Мне повезло, что я заполучил к себе в компанию такого ценного сотрудника.

– Не только ценного сотрудника, – мурлыкает Надя в трубку. – И не только в компанию, Динаров. Давай я приеду? Захвачу бутылочку красного сухого? Отпразднуем? Или сходим куда-нибудь? Посидим? Я тут такую классную винотеку проезжала, «Лайбрари» называется. Съездим? Почитаем? – хихикает. – Хм?

– Прости, не сегодня. Дежурство затянулось.

Да и Наташу надо отвезти и спать уложить, перед эти накормить. Пусть ребёнок отдохнёт. Теперь я точно никуда уйти не смогу. Надо ещё подумать, с кем девочку оставлять, когда у меня дежурства. Няню, наверное, поискать придётся.

– На кой чёрт тебе эта городская больница? – бросает Надя чуть раздражённо. – У тебя бизнес. А хочешь оперировать, можешь делать это в частной, вон к Сорокину иди, Кантемиров тебя звал. У них большие стационары и нет изматывающих дежурств. И копеечных ставок.

– Дело не в деньгах, ты сама знаешь.

– Ты себя убиваешь. Ну сколько ещё выдержишь в таком ритме? А про суд ты забыл? Тебе на следующей неделе туда идти.

– Адвокат пойдёт.

– Нет, напомню, тебя вызывают. Тебе бы выспаться, отдохнуть, сил набраться. А ты пашешь, как папа Карло!

Этот диалог с Надей у нас возникает не в первый раз. Я ей уже объяснял, что речь не про деньги, а про социальную ответственность. Получить профессию и служить только избранным, тем, у кого хватает средств на частную клинику тоже можно. Но я чувствую потребность, внутреннее побуждение, пару раз в неделю выходить в районную больницу, куда привозят всех нуждающихся, а не только тех, у кого на счету достаточно денег для оплаты комфортного стационара.

– Надя, пока могу, работаю.

– Да я ж о тебе беспокоюсь, Динаров. Никто не побеспо-

коится, только я.

– Спасибо. Ценю.

Наташа на заднем сиденье аккуратно спрашивает.

– А мы скоро поедем?

Мы стоим на перекрёстке с долгим светофором уже две минуты. Здесь всегда, если не проскочил, можно прождать вечность.

Киваю и трогаюсь с места, потому что свет меняется.

– Кто там с тобой? Ребёнок? – оживает в трубке Надя. – Только не говори... Ой, Дэн, только не говори, что ты взял ребёнка Алёны к себе?

– Надь, позже, – обрубая и коротко прощаюсь, прежде чем положить трубку.

Ещё чего не хватало. Обсуждать Натали при ней же. Она уже не маленькая, всё поймёт, запомнит, потом спросит или надумает чего. Я же совсем её не знаю. Что ей в голову придёт, если обидится? Может, сбежит?

– Ты что есть любишь? – спрашиваю Наташу.

– Блинчики, – отзывается та.

Мы как раз проезжаем мимо одного гипермаркета, где, я точно знаю, есть кафе с блинчиками, кашами, сырниками и прочей домашней едой.

Именно туда мы и заруливаем.

Наташа выбирает всё со сладкими начинками. Я не спорю, пусть ребёнок порадует. У неё стресс пережит колоссальный. Ей надо восстановиться и успокоиться.

Дождёвывая блин со сгущёнкой, Наташа начинает клевать носом. Сидит с закрытыми глазами и жуёт.

– Я как зомби, – выдаёт с улыбкой. – Кажется, сны вижу. Тут, – указывает на веки, – картинки мелькают. Смешно.

– Досматривай и поехали. Отсюда две минуты до моего дома. Ляжешь спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.